355629

ПРОВЕРЕНО 40 Г.

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ

Смерть рабовладельцам!

Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов 1943

В сборнике «Смерть рабовладельцам» помещены материалы, опубликованные в центральных газетах и журнале «Спутник агитатора» в 1942 году.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Иван Юдин. На гитлеровской каторге 3
Николай Тихонов. Рынок невольников 8
Алексей Толстой. Смерть рабовладельцам! . . 9
Рабовладельцы 11
М. Исаковский. Прощальная 13
Русская девушка в Кельне 14
А. Попов. Горя—реченька! 17
Илья Эренбург. Рабы под номерами 18
Д. Заславский. Немцы-помещики на советской земле 19
Крепостники 28

НА ГИТЛЕРОВСКОЙ КАТОРГЕ

Изможденные, измученные, больные, стоят они в шеренгах на рынке в далеком и чужом германском городе. Здесь торгуют людьми открыто и жестоко. Нагло и деловито ощупывают немецкие рабовладельцы их мускулы, заглядывают им в зубы, покупают и продают за гроши — пятнадцать марок!

Откуда они, эти несчастные жертвы, юноши и девушки, осужденные влачить рабское ярмо?

Из Украины и Белоруссии, из-под Смоленска и Орла, из захваченных проклятыми немцами советских городов и сел...

Повсюду фашистские рабовладельцы отбирают наиболее здоровых, работоспособных молодых людей и угоняют их на каторгу.

Недавно в хуторе Верхне-Греческом (юго-восточнее Новороссийска) немецкие бандиты согнали к одному из домов всех мальчиков в возрасте 14—15 лет. Они отобрали наиболее крепких ребят и отправили их в глубь Германии. Всем, кто сопротивляется, угрожают смерть

355629

пытки. В «походных колоннах» при всякой погоде, на протяжении сотен километров немцы гонят голодных, раздетых и разутых советских юношей и девушек в проклятую всем миром страну. Измученные и истощенные, пленники тысячами гибнут в пути от голода, от зверских издевательств фашистских надсмотрщиков. Обессиленные, падают они на развороченное танками шоссе, их «поднимают» резиновыми дубинками или штыками. Больных и израненных оставляют тут же на дороге...

Кошмарна жизнь на гитлеровской каторге. Да и трудно назвать это жизнью. Немецкие рабовладельцы создали для советской молодежи, угнанной в Германию, варварский режим, перед которым бледнеют самые мрачные картины прошлого. В обращении со своими пленниками немцы знают лишь одно правило: «Будь жесток!».

Гитлеровская газета «Франкфуртер цейтунг» пишет: «Само собой разумеется, что молодежь, навербованную в оккупированных советских областях для работы в Германии, надо содержать строго и наблюдать за ней». Немецко-фашистские рабовладельцы издали специальную «инструкцию» об обращении с советскими людьми. «Инструкция» призывает население Германии жестоко расправляться с «восточными людьми», «не проявлять сочувствия» к ним. Угнанных в Германию молодых русских, украинцев, белорусов содержат в лагерях, обнесенных колючей проволокой. Эти лагери расположены обычно в болотных местах, чтобы пленники не могли сбежать. В летнее время обитатели лагеря не име-

ют никакого укрытия; на зиму наскоро строятся деревянные бараки. В них спят после изнурительного рабочего дня прямо на голой земле.

Многих молодых людей фашистские работорговцы распродали немецким помещикам и кулакам. Юноши и девушки живут в конюшнях и свинарниках, их заставляют выполнять самые тяжелые работы, их унижают, их бьют, над ними надругаются. «У нас на молочной ферме, — пишет из Швайгхадзена солдату Вильгельму Штофф мать,—тоже есть шесть русских. Среди них юноши 14—15 лет. Мы их запираем на ночь в хлев, чтобы они не сбежали. Ты не беспокойся за то, что они молоды: мы их заставим выполнять любые работы».

Немецкие рабовладельцы морят наших людей голодом, кормят их, как скотину, всякого рода отбросами. Во многих лагерях им дается разваренный клевер, хлеб из репы или картофельная шелуха. Недаром гитлеровская газета «Кенигсбергер цейтунг» цинично признавалась, что «прокормить русских очень дешево, если им давать один хлеб из репы». В лагерях царит грязь. Никто из пленников за все время пребывания в лагере не мылся и не менял белья. У многих вместо белья—лохмотья, а на ногах вместо обуви — подвязанные кое-как деревянные дощечки.

В лагерях свирепствуют эпидемии. Больные часто становятся жертвами неслыханных жестокостей фашистских надсмотрщиков. В одном лагере близ Кельна для больных отведено специальное «место». Это водосточная канава, к которой их стаскивают и в которой они должны

черпать для себя воду и вылавливать отбросы для пищи. Известно много случаев, когда больных просто пристреливали. Смертность в лагерях исключительно велика. Рядом с лагерями возникли целые кладбища. Нередко трупы умерших валяются в лагерях по нескольку дней неубранными.

Фашистские рабовладельцы посылают молодых русских, украинцев, белоруссов на самые вредные работы. Многие заняты на болотных работах, где погибают после недолгого каторжного труда. Другие работают на химических предприятиях.

У убитого немецкого солдата Вильгельма Бока найдено письмо от матери из Хемница, в котором та пишет: «Много русских девушек работает на фабриках «Астра Верке». Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Заработной платы они никакой, конечно, не получают. На работу и с работы они ходят под конвоем. Часто они бывают настолько переутомлены, что буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны плетьми. Им запрещено жаловаться на побои и скверную пищу».

В письмах советских девушек, томящихся на немецкой каторге, встает страшная картина современного рабства, полная трагизма и ужаса. Советскому читателю уже известно опубликованное в нашей печати письмо русской девушки Ольги Селезневой, увезенной немцами в Кельн. Недавно кружными путями дошли до нас письма из Кельна от двух белорусских девушек — Лизы Бурак и Алеси Санович. Лизу Бурак немец-

кие работорговцы запродали какому-то богатому немцу, который зверски эксплоатирует ее. «Об отдыхе,—пишет Лиза,—и думать нечего. Словом, я человек пропащий. Обо мне уже не заботьтесь, ибо все напрасно». Алеся Санович пишет: «Тут хуже, чем в тюрьме. Кормят нас плохо. В день выдают по котелку недоваренной бурды. Работать приходится беспрерывно от темна до темна. Спать приходится в дырявом и холодном хлеву, где не только человек, но даже и собака жить не будет».

Многие молодые русские, украинцы и белоруссы пытаются спастись бегством на родину. За беглецами охотятся специальные отряды гестаповцев. Германские власти строго предписывают немцам ловить беглецов; за укрытие их угрожает смертная казнь. Иоганна Рохе из Вейссенфельса пишет солдату Гейнцу: «Две недели тому назад господин Куштбах поймал двух русских парней в Винбергере. Около Фрейберга один лесник пытался задержать нескольких русских, сбежавших из лагеря, но они оказали сопротивление. На этой неделе наш вахмистр поймал двух русских девушек, которые бежали из поместья. Их высекли резиновыми дубинками».

Резиновые дубинки—вот последнее слово гитлеровского «нового порядка». Гитлеровские мерзавцы насилуют и убивают наше мирное население, мужчин и женщин, детей и стариков. Их цель—обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. «Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состоя-

ния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей», — указывал товарищ Сталин.

Юноши и девушки свободных советских городов и сел! Где бы вы ни находились—в окопах на передовой линии, у станка или в поле,—помните: ваши братья и сестры, томящиеся на гитлеровской каторге, с нетерпением и надеждой ждут часа освобождения.

Крепче удары по врагу, советская молодежь! Гитлеровские преступники, насилующие и истребляющие наших братьев и сестер, не уйдут от справедливого возмездия!

Иван ЮДИН

•

РЫНОК НЕВОЛЬНИКОВ

В Германию угоняют русских девушек. Их продают там на невольничьих рынках. Ужасна судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий полон.

Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405-го пехотного полка 121-й дивизии Рудольфа Ламмерсмайера. Это письмо написано его матерью из местечка Люттe, близ Эйнкеррирута:

«Ты пишешь, что войной сыт по горло. Но мы питаем надежду, что когда-нибудь случится особенное. Ведь может же быть чудо. Вчера днем к нам прибежала Анна-Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена,

У них в свинарнике повесилась русская девка. Хотя Анна-Лиза обрезала веревку, пульс у русской уже не бился. Она была мертва. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокоили фрау Ростерт. МОЖНО ВЕДЬ ЗА НЕДОРОГУЮ ЦЕНУ ПРИОБРЕСТИ НОВУЮ РУССКУЮ РАБОТНИЦУ».

Не нужно слов! Шапки долой перед трупом русской девушки, которая предпочла смерть рабству у немцев. Благословим бойца, сразившего святой пулей немецкого негодяя.

Будем мстить проклятым душегубам, будем убивать без пощады и милосердия немецких извергов, вторгшихся на нашу землю, чтобы поработить советский народ.

Николай ТИХОНОВ

СМЕРТЬ РАБОВЛАДЕЛЬЦАМ!

Прочтите эти письма, товарищи. Они найдены в карманах убитых немцев. Эти документы потрясают своим цинизмом. В них вы увидите страшную судьбу советских людей, насильно увезенных в подлую и темную Германию. От вас, от вашей стойкости, от вашего мужества и решимости разгромить врага зависит — будут ли бесноватые немки хлестать по щекам русских, украинских и белорусских женщин да кормить их одним хлебом из свеклы, как скотину.

Вот эти письма.

«Кто бы подумал, Вилли, что такое животное, наша украинка, умеет прекрасно шить. Это очень приятно. Да и француз наш, как ты сам понимаешь, без дела не сидит. Вчера он подбил подметки к моим и папиным ботинкам, а сегодня починил лестницу. Папа говорит, что их нужно почаще наказывать, иначе будут лениться».

(Из письма унтер-офицеру Вилли Мецель от невесты Рут Кречмер из Бейтана, Бреслау-Лисса).

«... К 1 марта нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы по дому. Будь спокоен, они уже поработают. К тому же нам дадут еще 2 пленных: надеюсь, что тогда в нашем хозяйстве дело пойдет на лад. Все, у кого уже работают русские, говорят, что в общем это недорогое удовольствие».

(Из письма ефрейтору Гансу Пасеман от Анны-Лизы Гайе из Райсдорфа).

«... Из Штерингена удрали 3 литовца, но заменены уже белоруссами. Это даже дешевле. Мы ничего не потеряли. Прокормить этих белоруссов можно очень дешево. Русские получают только хлеб из свеклы...».

(Из письма солдату Шредеру от семейства фон Альтенштадт, Гроссмедиен, округ Аггерапп, Вост. Пруссия).

Воин Красной Армии, закрой на минуту лицо своей рукой. Больно русскому читать эти немецкие строки. Штыком своим, омоченным в немецкой крови, зачеркни их.

Смерть рабовладельцам!

Алексей ТОЛСТОЙ

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ

Запомни: в промышленности и сельском хозяйстве Германии сейчас работает несколько миллионов иностранных рабочих и крестьян. Эти люди-рабы живут в невыносимо трудных условиях. Среди них много наших братьев — русских, украинцев, белоруссов. Над ними особенно жестоко издеваются немцы. Вот что рассказывают об этом сами немцы в своих письмах.

Из письма солдата 543 пехотного полка 387 пехотной дивизии (полевая почта 45541) Эмиля Зораруфа к его жене Фанни Гайнц:

«Сегодня мы грузили русских в поезд, отправляющийся в Германию. Им ничего не разрешили взять с собой. Провожавшие много плакали. Мы разгоняли их прикладами и выстрелами. Было довольно весело».

Из письма ефрейтору Карлу Шредеру (полевая почта 64460) от его жены Карин из Оберкирхена:

«Вчера прибыла большая партия русских мужчин и женщин. Их разместили в гимнастической зале и держат взаперти, никуда не выпускают. У них изможденный вид, они не похожи на людей. Охранники рассказывают, что часть русских в пути была расстреляна за попытку бежать, а некоторые умерли от истощения. Впрочем, мне их не жалко. Целую, твоя жена Карин».

Из письма солдату 11 роты 697 полка 312 пехотной дивизии Курту Лемке (полевая почта 21269 Д) от его родителей:

«У нас здесь также работают русские, мужчины и женщины. Большинству из них остригли волосы. Они выглядят, как свиньи. А как они проклинают Германию! Русские еще молоды, в возрасте 17—25 лет. Это очень фанатичный народ. Ладно, довольно об этих проклятых русских...».

В письмах немцы откровенно называют рус-

ских людей, пригнанных на каторжные работы в Германию, рабами. Немцы цинично пишут о приобретенном живом товаре. Родители спешат обрадовать сына, находящегося на фронте: они уже получили партию русских. Сын торопит родителей: не опоздайте заполучить рабов. Солдату Фрицу Гребер пишет мать из Лайбша. Война принесла ей доход—она имеет русскую рабыню с Украины. Фрау Гребер рада войне:

«Благодаря войне мы теперь получили хорошую рабочую силу — девку с Украины, ей 21 год. Фрау Леман получила сестру этой девки. Ей 25 лет, но она сильнее нашей. Я смотрела ее мускулы на руках и ногах. Но ничего—наша тоже будет работать».

Торговля русскими рабами в Германии—мужчинами, женщинами, девушками и детьми—принимает все более широкие размеры.

Ефрейтор 7-й немецкой пехотной дивизии Вильгельм Штофф получил письмо от матери из Швайгхаузена:

«У нас на молочной ферме тоже есть шесть русских. Их на ночь там запирают. Среди них юноши 14—15 лет. Не беспокойся, они смогут работать».

Кнутом и нагайкой бьет наших братьев и сестер немецкий надсмотрщик. Но немцам и этого мало. Послушайте, что ефрейтор Иоганн Фриоль пишет своим родителям в Мюльгейм:

«Как я вижу, к вам уже тоже прибыли русские на работу. Тогда вы за ними хорошо следите. Если бы я был дома, я бы их научил работать».

Страшную судьбу русской девушки в Кельне разделяют тысячи и тысячи советских людей, насильно уведенных в рабство в Германию.

Нет меры нашей ненависти к немецким рабовладельцам. Смерть им!

ПРОЩАЛЬНАЯ

Далекий мой! Пора моя настала.
В последний раз я карандаш возьму...
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.
Прости-прощай! Любимую веснянку
Нам не певать в веселый месяц май.
Споем теперь, как девушку-смолянку
Берут в неволю в чужедальний край;
Споем теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути...
Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти!
Прости-прощай!.. Что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля?
Наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.
А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог...
Прощай родной! Забудь про эти косы.
Они мертвы. Им больше не расти.
Забудь калину, на калине росы,
Про все забудь. Но только отомсти!
Ты звал меня своею нареченной.
Веселой свадьбы ожидала я.
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.
Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —

Ты не узнаешь все равно меня.
Все, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю.
Забудь и ты, что так любил бывало,
Но отомсти за молодость мою!
Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей!..
Письмо тебе писала я слезами,
Печалью запечатала своей...
Прости-прощай!...

М. ИСАКОВСКИЙ

РУССКАЯ ДЕВУШКА В КЕЛЬНЕ

Разведчики одной из частей Брянского фронта, побывавшие в тылу врага, принесли письмо. Русская девушка, увезенная в Германию, в город Кельн, пишет своей матери в захваченный немцами советский город Орджоникидзеград.

Вот дословный текст письма.

«Здравствуйте родные мама, Таня, Люба, Надя!

Во-первых, опишу, как я ехала. Нас загнали на два дня в концлагерь на Урицком поселке возле Брянска, под конвоем, как пленных. 12 дней везли в коробках. Хлеба в дороге не давали. Что я взяла с собой, то нам пришлось кушать вдвоем с Марусей.

Как я не хотела ехать! Дядя не советовал, но вы, мама, сказали, если не поеду, то всех убьют. Лучше бы я умерла с голоду, чем быть такой...

По приезде сюда нами была устроена торговля, и нас, девушек, брали кому сколько угодно, как рабов. Куда продали Марусю, не знаю. Работаю с утра дотемна. Надо мной здесь смеются, а я плачу. Я пере-

стала ходить по улице, чтобы не плакать. Работаю все, что потребует хозяин. Таня, хорошо, что ты не поехала. В общем меня продали навеки. Не серчайте, мама, я пишу вам сущую правду. Привет Шуре, Клаве, вообще всем.

Ольга Селезнева 3 мая 1942 г.».

Кровь и слезы сочатся из каждого слова этого простого и страшного письма.

Кем была Ольга Селезнева? Школьницей, еще только выбирающей пути в будущее — к вершинам знания? Юной работницей, нашедшей на родном заводе радость творческого труда? Крестьянкой, чья молодая песнь звенела в полевом стане над тучной колхозной нивой? Кем бы она ни была, эта русская девушка, перед ней простиралась широкая дорога к счастью. Ее жизнь была прямой и светлой, для нее сиял неомраченный мир.

В родной город Ольги Селезневой пришли немецкие насильники, и ясный мир померк. Перед ней было множество путей в жизнь, остался один — в рабство. Под угрозой голодной смерти ее бросили, как животное, в грязный вагон и увезли на запад, в далекий Кельн. Она была свободной дочерью свободной страны, ее сделали рабыней немца. Русская девушка стала предметом гнусного торга на невольничьем рынке в Германии. Не десятки лет назад в дебрях Африки, у диких вод Конго, — сегодня, на берегах европейской реки Рейн открыто это позорное торжище!

На родине звучал ее беззаботный смех — там ее безнаказанно осыпают насмешками немецкие негодяи, слезы стали ее уделом. Раньше она

была хозяйкой своей судьбы, вместе с миллионами сограждан чувствовала себя хозяйкой всей страны. Теперь она во власти хозяина-немца, на которого работает от зари до зари, беззащитная перед его издевательствами и грязными прихотями.

Страшная судьба русской девушки, проданной в немецкое рабство, — символ фашистского «нового порядка». Миллионы рабов томятся на фашистской каторге в Германии. Вооруженные до зубов работорговцы, ворвавшиеся на нашу землю, разоряют наши очаги, разрушают семьи, жгут города и села, убивают и мучают мирных людей, отрывают сотни тысяч мужчин и женщин юношей и девушек от родного пепелища и угоняют их в свое логово на каторгу. Смерть и изнурительный рабский труд принесли они советским людям, попадающим в их кровавые руки.

Прочти письмо русской девушки, проданной в немецкое рабство, и стисни зубы, крепче сожми оружие в своих руках, боец Красной Армии.

Прочтите это письмо, бойцы Воронежа и советского Юга. Пусть его горечь, как огонь, закалит ваши сердца и волю. За вами—женщины Поволжья, Кубани, Северного Кавказа. Они ждут вашей защиты, взывают к вашей стойкости и доблести.

Запомните каждое слово этого письма, воины Красной Армии! Пусть в образе поруганной, обращенной в рабство русской девушки Ольги Селезневой всегда стоит перед вашими глазами порабощенная немцами родная советская земля, зовущая к грозной мести!

ГОРЯ—РЕЧЕНЬКА!

Советская молодежь хорошо помнит письмо Ольги Селезневой, русской девушки, угнанной немцами в рабство в Кельн. Ниже мы публикуем еще один страшный человеческий документ — письмо украинской девушки Валентины Ядренцевой, находящейся в лагере «Берингерзон», вблизи Ингельгейма, на Рейне. Письмо адресовано матери, братьям и сестрам. Вот что сказано в этом письме:

«Я переживаю тяжелые дни. Голодаю.

Мама! Сейчас я работаю на химической фабрике. Работа адская. Раз в день, во время перерыва, я имею кусочек хлеба. Ботинки мои совсем разбились, хожу босой. 7 июля работала до 4 часов хорошо, потом у меня от истощения закружилась голова, я упала. До 6 часов мне пришлось лежать, не поднимаясь. Помню только, как сквозь сон, одна женщина дала мне скушать кусочек хлеба, после чего я немного пришла в себя. На работу мне приходится ходить каждый день 12 километров.

Нет возможности описать всю мою жизнь. Горя—реченька».

Валентина Ядренцева была свободной дочерью свободного народа. Октябрь открыл перед нею все пути, все дороги. Она имела право на труд, право на образование, право на отдых. Пришел немец и лишил ее всех прав. Он сделал ее рабыней. Он обрек ее на голодную смерть.

Рабство, голод, смерть — это и есть «новый порядок» Гитлера. Скорее же разгромим Гитлера и уничтожим его «порядки»!

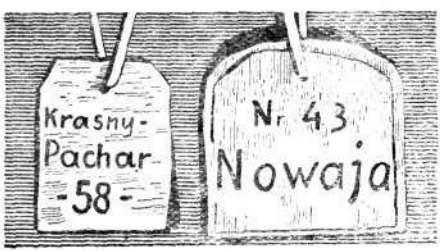
Внимательно, слово за словом, перечитай этот документ, молодой патриот! Запомни его. Запомни и мсти за горе Валентины Ядренцевой, за горе ее семьи, за горе украинского народа.

Полковой комиссар А. ПОПОВ

РАБЫ ПОД НОМЕРАМИ

Гвардейцы прислали мне две бирки. Освободив от немцев несколько сел, гвардейцы увидели на колхозниках и колхозницах деревяшки с номерами. Каждому жителю захваченного населенного пункта немцы дают бирку—как скотине. У человека больше нет имени. У человека—номер. Номер в немецком стаде. Номер на немецкой каторге.

Старик из деревни Новая, девушка из колхоза «Красный пахарь» стали у немцев номерами.



«Если русский покажется без опознавательного знака на груди, рассматривать его, как партизана, и вешать»—таков приказ немецких властей.

Есть нечто горше смерти — издевательство. Есть нечто страшнее гибели — рабство. Были крестьяне, столяры, инженеры, учителя. У каждого была своя судьба, свой дом, своя жизнь. Под немцами они все—рабы с номерами. Даже имени немец не оставил человеку, занес в список, поставил номер и приказал: «Носить на груди».

Никогда, никогда не станем мы немецкими рабами! На груди у нас воинский билет и письмо с родины. В груди у нас ненависть. Она жжет, как уголь. Она разъедает, как соль.

Перед тобой немец, тот, что дает биржи. Грудь немца ждет не деревяшки—свинца.

Илья ЭРЕНБУРГ

НЕМЦЫ-ПОМЕЩИКИ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Одно из лучших, наиболее сильных стихотворений Шевченко о злой крепостной доле — это «Сон». Оно начинается так:

На панщині пшеницю жала;
Втомилася; не спочивать
Пішла в снопи,—пошкандибала
Івана сина годувать.
Воно сповитеє кричало
У холодочку за снопом;
Розповила, нагодувала,
Попестила, і ніби сном
Над сином сидя задрімала...

Крепостной батрачке, рабе, снится, будто она свободна, будто сын ее, Иван, свободен, будто он трудится на свободной земле, на своей земле, трудится вместе с ней и женой, и дети несут им обед,—и это счастье, какое может привидеться

только во сне. Она проснулась—«нема нічого». Она на чужом, на помещичьем поле. Она позволила себе отлучиться, покормить во время работы ребенка. Она задремала. Это—преступление! За это она может быть наказана. Надо скорее вернуться, пока не заметил десятник.

Вот картина старого-старого прошлого. Стихотворение написано в 1858 году. Батрачка-мать вскоре увидела свободу, хотя и не такую, какая ей приснилась. Она увидела свободным сына, и сын женился на свободной крестьянке. Быть может, этот Иван дожил и до нашего времени старым дедом. Он мог рассказывать своим внукам о прошлом, о том, как на родных детях, внуках и правнуках осуществился полностью сон старой крестьянки, как создана была такая жизнь, о какой она и не мечтала. Разве могло ей присниться, что настанет время, когда совсем не будет помещиков, когда земля станет полной собственностью народа, когда крестьянские грудные дети не будут валяться на поле под снопами, дожидаясь материнской заботы и ласки, а будут находиться в колхозных яслях...

Так было по всей нашей стране... Тяжело писать «так было». Кошмарным сном представляется теперь жестокая действительность в оккупированных немцами советских районах. Не во сне, а наяву повторяется картина из «Сна» Шевченко. Даже не повторяется, потому что жизнь советских людей в немецкой неволе стала во много раз тяжелее, во много раз ужаснее, чем в прошлом столетии.

Поле под знойным летним солнцем. С серпами

в руках сгибаются крестьянки. Они жнут торопливо и безустанно, не смея передохнуть, не смея расправить усталую спину. И вот одна отходит в сторону, оглядывается украдкой, присаживается под копной. Здесь лежит закутанный в тряпки тощий младенец. Он пищит жалобно. Его облепили мухи. Мать дает ему исхудавшую грудь. С тоской и любовью смотрит она на сынка. Она забывается на минуту в оцепенении, как та мать—мать из стихотворения Шевченко.

Резкий, грубый голос будит ее. Звучит брань на чужом, противном языке. Свистит в воздухе плеть и опускается на плечо, на обнажешную грудь... Немец-управитель, немец-помещик Адольф Бек застиг свою рабу на месте преступления. Она под ударами плети опускает ребенка. Шатаясь, глухо рыдая от боли, от тоски, от бессильной злобы, она идет на свое место. Среди других рабынь немца-помещика она продолжает каторжную работу. На поле, которое было своим, крестьянским, а стало чужим, немецким, помещичьим, колхозницы убирают хлеб для ненавистной Германии.

Произошло это в захваченном немцами Дновском районе Ленинградской области.

И это избиение плетью матери, кормящей грудного ребенка, еще не принадлежит к наиболее ярким образцам немецкого зверства. Немец Адольф Бек не только избивает советских колхозниц плетью. Он еще развлекается стрельбой из автомата по живым мишеням.

Немецкий помещик барон Шауэр в Ленинградской области устраивает публичную порку

355629

женщин. На дворе помещичьей усадьбы в присутствии насильно согнанных крестьян были публично выпороты 11 женщин и девушек. Кузьминой Елене Федоровне было 55 лет. Ее запороли до смерти.

Такие же страшные картины можно увидеть на Украине. В усадьбу немецкого помещика Краузе в селе Русановка Житомирской области стражники согнали всех жителей села. При них раздели донага 8 женщин и девушек. Их били плетьми до потери сознания. Колхозница Екатерина Кондиенко умерла под плетьми.

В Лужском районе Ленинградской области свирепствует немецкий помещик барон фон-Бильдерлинг. С ним состязается в жестокости немецкий помещик барон фон-Хильмон. В Полтавской области издевается над колхозниками немецкий помещик, рабовладелец Шварц.

Да всех не перечислишь! Немцы проводят в жизнь свою программу насаждения на советских землях крупного рабовладельческого немецкого хозяйства. Совхозы и колхозы передаются в собственность либо немецким военным учреждениям, либо отдельным немцам-помещикам. По следам немецких захватчиков идут румынские. На юге Украины они тоже рассаживают в колхозах своих зверей в образе и подобии человеческом.

Все эти мерзавцы обосновываются так, словно пришли сюда навсегда. Награбленные земли они рассматривают как свою «законную» собственность, колхозников—как своих рабов. Власть их ничем не ограничена. Нельзя даже назвать

крепостным правом то, что происходит в захваченных районах. Немецкий помещик может безнаказанно убить любого крестьянина. Нет на него ни суда ни управы. В его полном распоряжении немецкая полиция и расположенные в тылу немецкие войска. Каждая усадьба превращена в крепость со своим гарнизоном. Помещики и управители разъезжают по полям с автоматами в руках. За неповиновение, за плохую работу—расстрел на месте. Если помещики не истребляют поголовно всех рабов, то лишь по той причине, что остро нуждаются в рабочей силе.

Немецкий прохвост Карл Шнец получил в собственность 4.000 га в Винницкой области. Он писал своему сыну, находящемуся на фронте: «Ильинцы должны стать образцовым хозяйством... После войны мы должны иметь свое удовольствие. Об этом я уже позабочусь». Он уже получил авансом, еще во время войны, свое «удовольствие». Об этом «позаботилась» Красная Армия. Сын его убит на фронте. Очередь за папашей.

Вначале гитлеровцы пытались обмануть советских колхозников: гитлеровцы говорили, что крестьянская земля будто бы останется в собственности крестьян, будут лишь уничтожены колхозы. Ясно, что это была грубая ложь. Немцы недолго разыгрывали маскарад. Теперь крестьяне превращены в батраков, в рабов.

Повсеместно установлена барщина. Крестьяне обязаны работать бесплатно на немецкого помещика от трех до пяти дней в неделю. Вводя

барщину, крестьянам говорили, что остальное время они могут работать на себя, на своих жалких клочках земли, будто бы оставленной им в собственность. Это тоже было подлым надувательством. Крестьян заставили трудиться и на земле новых помещиков и на «своей». Немецкая полиция зорко следила за каждым колосом. А когда поспел урожай, крестьян плетьми заставили сначала убрать весь помещичий хлеб для Германии, а затем плетьми же заставили свезти и «свой» хлеб полностью в помещичью усадьбу для отправки в Германию. За утайку «своего» урожая объявлен расстрел.

Работать крестьян на помещичьей земле заставляют от зари до зари. Труд даровой, как и полагается в рабовладельческом хозяйстве. Крестьяне получают горсть проросшего овса или гнилого картофеля.

Так как тракторов нет, горючего нет, лошадей нет, волов и коров нет, то в плуги, в бороны, в уборочные машины впрягают крестьян: женщин, стариков, детей. Женщины возят на себе повозки со снопами на барский двор. Немцы погоняют кнутом, издеваются. Для них это забава. Они отпускают грубые, похабные шутки и щелкают фотографическими аппаратами. Они отсылают на родину снимки, на которых запечатлено глубокое унижение порабощенного народа. Они любят снимать и виселицы, которые стали «украшением» каждого захваченного села.

Чего добились немцы установлением рабовладельческих порядков? Конечно, им удалось ограбить у крестьян то, что еще оставалось после

грабительского набега проходивших немецких войск. Им удалось засеять силами рабов часть земли и собрать некоторое количество хлеба. Но все это очень далеко от тех груд хлеба, масла, сала, которые пригрезились голодным немцам. Украину они широко рекламировали как «богатую» страну. Теперь они открыто говорят о своем разочаровании. В газетах появляются статьи под названием: «Страна чудес—Украина ничего не дает». Немецкая фашистская печать предостерегает Германию от всяких тщетных надежд на хлеб из Советской страны.

Издающаяся в Турции немецкая газета «Тюркише пост» еще в июле писала: «Украинское сельское хозяйство не может выделить сейчас излишков продовольствия. О поставках мяса и жиров для европейских стран в этом году не может быть и речи». «Дейче цейтунг ин Кроатен» писала: «Надежда на Украину не оправдалась».

Земли в оккупированных районах по ночам озарены по горизонту светлыми пятнами пожаров. Горят немецкие помещичьи усадьбы, горят немецкие хлеба. Идет борьба немецких властей с поджигателями и саботажниками. Немцы на Украине, в Белоруссии, в захваченных русских районах окружены народным морем ненависти. В августе гитлеровская газета «Нейес винер тагеблат» писала: «Таинственное ужасное проклятие тяготеет над нами в Белоруссии. Германские чиновники не находят здесь ничего, что могло бы облегчить их деятельность. Им приходится бороться с непреодолимыми трудностя-

ми. Крестьяне не хотят мириться с новыми условиями собственности».

Немцы признают, таким образом, что советские крестьяне не хотят примириться с новым крепостным правом, что их волю не удалось сломить, что они не рабы и на угнетение отвечают борьбой.

Это уже испытали новоиспеченные помещики. Мы назвали выше несколько имен. Некоторые из них принадлежат уже покойникам. Они не долго имели «свое удовольствие». Немногие дни власти и потехи были отравлены ночными страхами перед партизанами. А затем пришел и роковой для них час расплаты.

Адольф Бек избил плетью крестьянку-мать за то, что она во время работы на поле дала грудь своему младенцу. Мы не знаем, кто перерезал горло этому извергу в ту ночь, когда запылала усадьба немецкого помещика, были перебиты его полицейские охранники, были уничтожены все запасы награбленного хлеба. Адольф Бек расплатился по счету, предъявленному крестьянами, и, стоя у его трупа, мать-крестьянка вспомнила об ударе плетью. Он не прошел даром, этот подлый удар. Крестьянская память вписала его безмолвно в счет преступлений... Этот счет ведется всюду. Он будет предъявлен всем негодяям и извергам.

Нет больше в живых немецкого помещика барона фон-Бильдерлинга. Он убит партизанами. Нет еще многих. Некоторые уже сбежали, не выдержав постоянной осады в своих имениях.

Но многие еще живут, раздуваются, как клопы, от крестьянской крови, грабят и насилуют.

Колхозники и колхозницы надрываются на барщине в захваченных районах. Страшная действительность кажется им кошмарным сном, а во сне им грезится не будущее, как шевченковской матери—крепостной батрачке, а недавнее прошлое, когда они были свободными, счастливыми хозяевами, своей колхозной, земли, когда не висела над ними бесчестная отвратная немецкая брань, когда не угрожали им позор публичной порки и ужас бесчеловечных пыток, виселицы, расстрела. Они знают, что этот сон станет явью, а страшная явь пройдет, как дурной сон. Они ждут часа своего избавления. Их взоры обращены к нам. На нас, на Красную Армию все их надежды на спасение. Пусть этот образ наших братьев и сестер, замученных, поруганных в немецкой неволе, стоит неотступно перед глазами каждого советского патриота, который счастлив уже тем, что имеет оружие в руках и может драться за спасение порабощенных советских людей, может убивать немцев, может пулей ответить на каждый удар немецкой плети.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

КРЕПОСТНИКИ

Немецко-фашистские захватчики устанавливают во временно оккупированных ими советских районах крепостное право. На землях колхозов и совхозов создаются имения немецких баронов и офицеров. Советских жителей немцы силой заставляют бесплатно работать, обращаясь с ними как с бесправными рабами. Вот несколько фактов:

— По сообщениям фашистских минских газет, в Слуцком районе Белоруссии создано 95 имений, которыми управляют немецкие «зондерфюреры».

Нередки случаи, когда в имения не только приезжают немецкие «зондерфюреры», но и возвращаются бывшие помещики. Помещица, вернувшаяся в деревню Зайково Меховского района потребовала, чтобы крестьяне «вернули» ей 60 коров и засадили стогектарный сад, вымерзший в одну из морозных зим.

— В оккупированных румынами районах Молдавской ССР и южной Украины все земли у колхозов и колхозников отобраны и переданы под контроль румынских властей. Как сообщает гитлеровская газета «Ревалер цейтунг», Антонеску издал приказ, по которому эти земли будут распределены между румынами, в частности между военнослужащими, «отличившимися в этой войне».

Другая фашистская газета, «Дейче альгемейне цейтунг», вынуждена признать, что советские крестьяне отказываются работать на захватчиков, в результате чего в «Заднестровье» (так

румыны именуют южную Украину) была засеяна только треть пахотной земли.

— В селе Александровке Полтавской области немецкий комендант обязал всех колхозников по три дня в неделю работать в хозяйстве немецкого помещика Шварца. Этот помещик держит отряд полицейских, которые насильно сгоняют крестьян на работу. Женщин впрягают в повозки и заставляют возить снопы с поля на гумно.

— Совхоз «Искра» Ленинградской области гитлеровцы объявили немецким «образцовым хозяйством» и передали барону Шауэру. Оккупанты заставляют крестьян окрестных деревень работать на барона по 15—16 часов в сутки. Никакого вознаграждения за каторжный труд крестьяне не получают. На день им выдают лишь 300 граммов овсяной муки. Недавно гитлеровские изверги согнали всех крестьян в совхоз и на центральной усадьбе публично выпороли 11 женщин и девушек. 55-летнюю колхозницу Кузьмину Елену Федоровну палачи запороли до смерти.

— Немецко-фашистские захватчики насильно отправляют население оккупированных советских районов на принудительные работы в Германию.

Из деревень Струго-Красненского района Ленинградской области гитлеровцы угнали больше 300 женщин и девушек в возрасте от 15 до 45 лет. В селе Обод 11 девушек заявили, что они никуда не поедут со своей родины. Фашистские мерзавцы их зверски избили и повесили на улице села.

— В селе Русановке Житомирской области гитлеровцы приказали крестьянам свезти полови-

ну снопов со своих участков новоявленному немецкому помещику Краузе. 12 крестьян, не выполнивших этого распоряжения, были расстреляны.

Немецкие власти обязали население окрестных деревень пять дней в неделю бесплатно работать на помещика. За малейшее неповиновение колхозники подвергаются жестокой порке.

Недавно немецкие рабовладельцы согнали всех жителей села на площадь и заставили их присутствовать при порке 8 женщин и девушек. Палачи раздели беззащитных женщин и били их плетками до потери сознания. Колхозница Екатерина Кондиенко не выдержала пыток и умерла.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
СГУ
Саратовский университет
355629

Ответ. редактор Н. Богданова
Корректор Н. Пржевальская

Подписано к печати 28-I 1943 г. НГ22109. Тираж 10000
Заказ № 5030. Печатных листов 1.

Саратов. Типогр. газетно-книжн. изд-ва Обкома ВКП(б)

30 коп.